

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Азартная игра

СО СКРЫТЫМ КОЗЫРЕМ

ЕВДОКИЯ ГУЛЯЕВА

Евдокия Гуляева

Азартная игра со скрытым Козырем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57498183

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-04263-6

Аннотация

Может ли страх приобретать реальные физические очертания? Как оказалось, может. Сейчас я смотрела своему страху прямо в глаза. Они были необычного, ярко-янтарного цвета, такие экзотические, больше напоминающие волчьи, с очень редким золотистым оттенком. Я не могла оторвать от него взгляд, а он, в ответ, по-хамски разглядывал меня, без стеснения шаря своими глазами по моей фигурке, затянутой в повседневную форму следователя прокуратуры.

Современный любовный роман.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	46
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евдокия Гуляева

Азартная игра со скрытым Козырем

Пролог

Снова где-то капает вода... Для меня этот раздражающий звук стал привычным. Капли, словно секунды, отсчитывают мое время, проведенное здесь... или я ошибаюсь и это обратный отсчет последних дней моей жизни...

Я лежу прямо на голой панцирной сетке старой кровати в полной темноте, поэтому мне ни к чему открывать глаза и я так знаю, что ничего нового вокруг себя не увижу. Все те же голые серые стены, тот же бетонный обшарпанный пол и та же лампочка Ильича, одиноко висящая под потолком, ярко освещающая весь периметр моей небольшой полупустой камеры в редкие моменты ее включения... а еще койка. Да-да, именно советская койка, ржавая от времени или сырости, с жутко скрипучими пружинами на железной сетке матраса, которые, при каждом моем, даже малейшем, движении издают жалобные стоны от эха которых раз за разом судорогой ужаса сводит мои внутренности. Но даже к этому, по истечении времени, я начинаю привыкать...

Как и к тому, что меня регулярно, два раза в день, выводят отсюда до ближайшего туалета, где я могу быстро облегчиться и умыться проточной водой из плохо работающего, свистящего и разбрызгивающего воду во все стороны, крана. А еще к скудной кормёжке, которая больше похожа на жалкую подачку, если не брать в расчет свежее, кисло-сладкое яблоко, которое обязательно добавляют к убогой ежевечерней трапезе и которое я пытаюсь растянуть до следующего ужина, в течение дня откусывая сочный плод по кусочку, выделяя и смакуя его настоящий аромат среди смрада окружающей меня пугающей реальности.

Я не знаю где я, но прекрасно осознаю из-за кого я здесь...

Как и когда я попала сюда?

О-оо, это отдельная история... И началась она около месяца назад с того самого момента, как я вошла в следственный изолятор на первый допрос к обвиняемому, отстукивая уверенный ритм высокими шпильками своих брендовых туфель...

Глава 1

Ранее...

Это не первое мое дело, но сегодня с утра я нервничала, словно перед решающим экзаменом. Долго собиралась, а потом, еще дольше пыталась добраться до уже знакомого мне следственного изолятора в центре столицы по утренним пробкам.

Нудный, морозящий дождь зарядил еще с вечера и к утру непогода только набрала обороты, поэтому, идя на работу, пришлось прихватить с собой зонт. Оббегая образовавшиеся за ночь лужи, смотря под ноги, следила за своими новенькими туфлями, не желая запачкать их, но спеша, все-таки шлепала по осенней жиже поэтому, по приезду на место, все икры, затянутые в дорогой капрон, были напрочь заляпаны неаккуратными грязными потеками. Остановившись в небольшом вестибюле, достала из сумочки, забитой рабочими папками, салфетки и, опираясь одной рукой о стену, поочередно, попыталась оттереть раздражающие меня капли.

Перфекционизм во всем – плохая привычка. Как постоянно повторяет мой папа: «... Если доводишь до совершенства дело, которое можно оставить на «нормальном» уровне, только зря растрачиваешь энергию и испытываешь терпение окружающих...»

Все так и есть, но именно эта личностная черта, а не отец

– генерал в отставке, продвигала меня вверх по служебной лестнице!

Из-за крайне неудобной позы, учитывая высокие каблук-ки-шпильки на которых я пыталась удержать равновесие, папки выскользнули из сумки и плюхнулись на пол. Игнорируя снующий туда-сюда поток госслужащих, хлопающих входными двустворчатыми дверьми, едва слышно чертыхнулась и, оставив в покое свои ноги, аккуратно присела на корточки, быстро собирая документы, выпавшие из следственных дела.

– Мила!

Услышав знакомый голос, быстро подняла взгляд на давнего, еще университетского знакомого, который, остановившись рядом со мной, помог мне подняться, придерживая под локоть.

– Рад тебя видеть! Какими судьбами тебя опять к нам занесло?

– По делу Козырева, – сдержанно улыбнулась я.

– Так прокуратура что, тебя назначила на следствие? – противные нотки неподдельного удивления в его голосе резали слух. – Да он с девчонкой даже разговаривать не будет!

– Посмотрим... – сразу ответила я.

Из чистого упрямства повела плечом, деликатно, но все же стряхивая со своего локтя, который он продолжал удерживать, его руку...

– Неужели они не понимают там, наверху?! – бессильно

продолжал возмущаться он.

Даже поднял указательный палец вверх, словно указывая на кого-то конкретно, видимо имея ввиду моего отца, который смог выбить для меня должность старшего следователя при прокуратуре и хорошее назначение на, казалось бы, бесприкрытое уголовное дело, исход которого позволит мне очередной раз резко взлететь вверх по служебной лестнице.

В свои двадцать восемь лет и за достаточно продолжительное время работы в прокуратуре я привыкла игнорировать «понимающие» улыбки окружающих меня коллег и не обращать внимание на шепот их предвзятых мнений. Молча бралась за любое новое уголовное дело, подброшенное мне начальством и всегда доводила его исход до обвинительного, окончательного приговора, несмотря на сложные, а иногда, совсем невозможные обстоятельства его расследования.

Вот и сейчас, не желаю вступать в горячую дискуссию, лишь молча пожимаю плечами и проскальзываю из вестибюля в полутёмных холл здания КПП, предъявляю корочки своих документов и подписанный начальством допуск на посещение следственного Козырева. Дежурный, проверив бумаги и увидев фамилию обвиняемого, медленно поднимает на меня оценивающий взгляд, ухмыляется, но сразу нажимает кнопку разблокирования дверей, пропуская меня внутрь.

Снимаю верхнюю одежду и оставляю сумку, взяв с собой только папку с уголовным делом и карандаш, которым при-

выкла делать поправки и заметки на полях. Здесь, в слабоосвещенных извилистых коридорах следственного изолятора я чувствую себя уверенно. Мне не раз приходилось приезжать на дознание, поэтому я отлично знаю расположение всех допросных комнат. Искать нужную не приходится. Идя к ней слышу только отчетливый стук моих каблуков по грязному полу...

В ожидании обвиняемого никакого волнения.

Еще на самом первом своем допросе я поняла, что продемонстрировать подследственным свои эмоции все равно, что обнажить страх перед матёрым хищником. Стоит только раз показать им свою нерешительность, робость или лёгкую панику, и они, сидящие в клетках, будут раз за разом фантомно отрывать от твоего тела ошмётки даже стопроцентной былой уверенности, пока не сожрут тебя с потрохами...

Скрипучим засовом ноет железная дверь и я сразу поднимаю глаза на вошедших. Их двое: конвоир и подследственный.

Из-за стола не встаю, предпочитая находится на хоть и небольшом, но расстоянии от допрашиваемого. Придиричиво рассматриваю обвиняемого, которого, посадив напротив меня, наручниками пристегивают к железным поручням и, звякнув ключами, оставляют нас один на один.

– Олег Александрович Козырев, – сразу обращаюсь я к нему, – я старший следователь прокуратуры – Мила Львовна. Теперь я буду вести ваше дело.

Он молчит, вальяжно откинувшись на спинку своего стула, насколько это ему позволяют скованные руки, а я продолжаю:

– Вы обвиняетесь по статье 210 УК РФ в организации преступного сообщества...

Он продолжает молчать, а мой взгляд замирает на уровне его глаз...

Может ли страх приобретать реальные физические очертания? Как оказалось, может. Сейчас я смотрела своему страху прямо в глаза. Они были необычного, ярко-янтарного цвета, такие экзотические, больше напоминающие волчьи, с очень редким золотистым оттенком. Я не могла оторвать от него взгляд, а он, в ответ, по-хамски разглядывал меня, без стеснения шаря своими глазами по моей фигурке, затянутой в повседневную форму следователя прокуратуры...

– У вас есть, что добавить к уже имеющимся обстоятельствам дела? – не унимаюсь я.

В ответ он язвительно усмехается, но сразу отвечает:

– Не старайся, только воздух зря сотрясаешь. До тебя был один и после тебя придет новый следователь. Вы можете приходить и уходить пачками. Ничего не докажете. У вас против меня и нет ничего, только голые долбанные принципы. А ты, – он снова обвел меня немигающим взглядом, – годишься только на то, чтобы отсосать у меня, не больше, поэтому, либо приступай к делу, либо заканчивай никому не нужный разговор.

Впервые я не сдержалась:

– Я посажу тебя! – с показным блеском в глазах улыбнулась и, игнорируя пристальное внимание обвиняемого, продолжила, – Мне не составит труда доказать твою виновность! – выдержала незначительную паузу, а потом добавила, – Чего бы мне это ни стоило!

Быстро осознала свою ошибку и сразу взяла себя в руки, но мой срыв не остался им незамеченным...

В ответ на мои слова он язвительно усмехнулся и его красивые губы растянулись в хищном оскале.

– Дура, – хохотнул он, – я скоро выйду отсюда, – он обвел презрительным взглядом серые стены комнаты для допросов, а потом снова посмотрел на меня, – а ты, действительно, будешь проклинать сегодняшний день и вспоминать этот момент, когда пошла на принцип. Чего бы это тебе не стоило? – повторил он мои слова. – Я запомнил.

Глава 2

Плевать!

На тот момент, сидя напротив него, не отводя осуждающего взгляда я даже не предполагала, что в моей жизни все может настолько кардинально, до зеркальности поменяться. Мы будем все так же сидеть друг против друга, все с тем же охотничьим азартом смотреть друг другу в глаза, но теперь я буду в бетонной клетке, не он...

– Олег Александрович, – одними уголками губ я улыбнулась в ответ на его громкие слова, произнесенные тихим бархатным голосом и едко продолжила, – вам есть что добавить к уже имеющимся обстоятельствам дела?

Он показательно сменил положение своего тела на неудобном стуле, сев прямо и слегка раздвинув в стороны ноги, неожиданно подмигнул и насмешливым взглядом указал мне на свой пах.

– Олег Александрович, – хохотнула я, – вам еще очень долго придется это делать своими руками! Создание преступного сообщества, статья 210 УК РФ, в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. Либо руководство преступной организацией – сделала совсем небольшую, но многозначительную паузу, – это именно в вашем случае. А так же координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между

ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступных доходов между такими группами – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет и единственное, что может смягчить ваш обвинительный приговор, это добровольное сотрудничество со следствием и искреннее раскаяние в совершенном преступлении.

Я повертела карандаш в пальцах и постучала самым его кончиком по железному столу, мельком оглядывая пыльную комнату для допросов, снова задерживаясь оценивающим взглядом на теперь безэмоциональном лице своего собеседника. Собеседник, в конкретно этом случае, очень громкое слово потому, что сидящий напротив меня молодой мужчина – великолепный образчик мужской красоты, который был крайне, скорее до неприличия привлекателен, продолжал издевательски хранить молчание...

Он отличался крепким телосложением, был не перекачан, но с рельефно выступающими плечами, обтянутыми черной, несмотря на ситуацию и место нашей встречи, дорогой футболкой с длинным рукавом. Густые, слегка выющиеся волосы были очень аккуратно подстрижены. Гладко выбрит, что не часто встретишь именно здесь, в следственном изоляторе. От явного неудовольствия, которое он не пытался скрыть от меня, немного сдвинутые брови и раздраженно поджатые губы совсем не портили общую интригующую картину. Нужно признать, не мужчина – воплощение изысканной муже-

ственности...

Я прерывисто втянула воздух... Фото в его личном деле совсем не соответствует оригиналу: он еще более привлекателен.

Теперь, хорошо рассмотрев его, понимаю, что именно цвет бросается в глаза и остается в памяти. Янтарный цвет его глаз... Черные ресницы только подчеркивают их глубину и жидкий огонь в них. Кажется, что он с большим трудом сдерживает его сокрушительную мощь, чтобы не разнести здесь все в щепки. Именно поэтому сжимает и разжимает скованные наручниками ладони, сжатые в кулаки, потирая сбитые в кровь костяшки своих пальцев – единственное несоответствие безупречного образа, которое я могу видеть...

Снова скрипучим засовом ноет железная дверь и я от неожиданности вздрагиваю и поднимаю глаза на вошедшую.

– Мила Львовна, – с ходу начинает привлекательная блондинка-адвокат с безупречной, точеной фигурой, – грубо нарушаете права моего подзащитного!

– Что вы, – сразу парирую я, – я только познакомилась с ним... в ожидании вас сидим, молчим.

Иронично, приподняв правую бровь, наблюдаю за тем, как она проходит к нам, встряхнув туго завитыми локонами, которые сразу комично подпрыгивают, показательно кладет на стол потёртый том Уголовного кодекса, продолжая придерживать его наманикюренным пальчиком, покрытым вы-

зывающе-красным лаком. Собрав пухлые губы в «дудочку», поглядывает на меня с явным превосходством, то ли оценивая меня как потенциальную соперницу, то ли, всем своим вызывающим видом указывает мне на явное нарушение мной правил проведения пока формального допроса.

Все это показалось мне настолько ироничным, что я не смогла сдержать ядовитого смеха и, окинув насмешливым взглядом вошедшего адвоката, тут же закончила:

– Оставлю вас одних. Вам, Олег Александрович, есть что обдумать и обсудить. Пусть вам ваш адвокат раскроет все перспективы предстоящего, но уже заведомо проигранного ей дела. Мне вашу вину доказывать долго не придется! Надеюсь, и обязательные встречи с вами из-за вашей несговорчивости существенно сократятся.

Тут же встала со своего места, собрав принесенные с собой папки с уголовным делом и карандаш, который резво покатился по поверхности массивного стола, сдвинутый с места моими резкими движениями, но, проходя к двери мимо подследственного не удержалась и язвительно уколола:

– Станный, конечно, выбор адвоката...

Он усмехнулся, снова поерзал на неудобном стуле, опять слегка раздвинув в стороны свои ноги, молча подмигнул и, насмешливым взглядом, указал мне на свой пах, явно намекая на определенный вид услуг, которые оказывает ему его бесполезный, на первый взгляд, адвокат... а меня, тут же, передернуло от нескрываемого брезгливого раздражения.

Пару раз громко стукнула по железной двери, тем самым давая знак конвоиру снаружи, что общение с подследственным на сегодня окончено.

К тихому разговору Козырева с его адвокатом за своей спиной не прислушивалась, а сразу вышла из комнаты для допросов, прижимая к своей груди внушительные папки с материалами по этому делу и только тогда, когда услышала, как лязгнула скрипучим засовом закрытая за мной дверь, смогла глубоко выдохнуть. Я предполагала, что легко не будет, но то, что я в первую же встречу бездумно нарушу одно из важнейших правил, собственноручно отдав арестованному ключ к своим эмоциям, а он будет ими развязано поигрывать прямо перед моим носом, подумать не могла. Но первая, хоть и непростительная ошибка – еще не проигранное дело...

Идя назад, к выходу, по все тем же слабоосвещенным извилистым коридорам следственного изолятора я больше не слышала стук своих каблучков. В ушах до сих пор стоял его язвительных смех с преобладающими в нем презрительными нотками:

«Ты годишься только на то, чтобы отсосать у меня, не больше, поэтому, либо приступай к делу, либо заканчивай никому не нужный разговор.»

Его тягучий голос в моей голове был настолько реален, что пару раз я даже обернулась, но за спиной видела только пустой коридор, да стоящих, подперев стены, зевающих

конвоиров, терпеливо дожидаящихся окончания многочисленных нудных допросов. Я почти чувствовала его оценивающий взгляд, оставшийся на моей коже, поэтому бессознательно освободила одну руку, подняла ее и постаралась смахнуть эти сильные ощущения, проведя ладонью по изгибу своей шеи.

С каждым шагом, приближающим меня к выходу, всевозрастающее раздражение все больше дразнило мое задетое профессиональное самолюбие и, неожиданно для себя, я остановилась у закрытой двери кабинета начальника оперативно-режимного отдела. Секунду помедлив, подняла руку и решительно постучала, тем самым спрашивая разрешение войти, а услышав приглашение, сразу повернула расхлябанную дверную ручку...

– Павел Валентинович! – сходу начала я. – Здравствуйте. Не очень отрываю вас от дел?

Пожилой тучный мужчина в кресле руководителя пошевелился и чуть приподнял голову, оторвав взгляд от пачки исписанных документов, лежащих перед ним и бегло взглянул на меня, но, как только в его глазах мелькнул блеск узнавания, он широко улыбнулся и отодвинул в сторону многочисленные отчеты.

– Что ты, Милая! – он сделал приглашающий жест рукой и даже слегка привстал со своего места, выказывая тем самым свое ко мне расположение. – Проходи, конечно! Какими судьбами опять к нам? Новое дело дали? Как отец?

– Папа в порядке! Конечно, к уединению и наплыву свободного времени он привыкал долго, но теперь наслаждается открытыми возможностями и необходимым в его возрасте отдыхом на заслуженной пенсии...

– Это ты удачно про возраст и мне напомнила, – громко хохотнул мужчина. – Я тоже давно мечтаю уйти на пенсию, но пока за зад крепко держат незавершённые дела.

– Да что вы, Павел Валентинович, – быстро исправилась я, – не про вас же! Отец ведь значительно старше... Если вы помните, то я поздний ребенок...

Тот лишь отмахнулся от моих слов, шутливо подняв вверх руку, жестом ставя точку в неудобном для меня разговоре.

– Ну так что, Милая? Можно я по-отцовски так с тобой? Ты ко мне по делу? Куда назначили?

Слегка улыбнувшись, кивнула, вспоминая свое детское прозвище, но сразу собралась и четко ответила:

– По 210-той, дело Козырева.

Мужчина поперхнулся, смешно вытаращил на меня глаза, словно впервые увидел и замолчал. Секунды сливались в минуту, время некрасиво растягивалось, будто резиновое и мне стало не по себе под сверлящим взглядом старшего по званию. Мне бы сейчас плюнуть на все, стушеваться, извиниться и выйти из этого кабинета, оставив дурацкую идею, но, вспомнив нахальный выпад Козыря, который вывел меня из равновесия, я продолжала стоять на месте, отсчитывая себя за вспыльчивость, как глупую девчонку.

– Значит, тебе его отдали... – выйдя из временного ступора, задумчиво протянул Павел Валентинович. – Зря... Не потянешь.

– Посмотрим, – тут же ответила я, собралась, вытянулась, расправила плечи и решительно подняла подбородок.

– А ко мне зачем пришла?

– С просьбой... – лишь на доли секунды замялась, а потом быстро выпалила – по ужесточению режима содержания подследственного Козырева. Прошу для него одиночную камеру на спец.коридоре, а также временное ограничение посещений и передач. Абсолютная изоляция.

– Адвокат? – уточнил Павел Валентинович.

– Хотелось бы пока обойтись без посещений адвоката, – увидев, как мужчина неодобрительно покачал головой, добавила, – я знаю, моя просьба вам по силам.

– Смотри, Мила, я-то сделаю. Ты-то как потом будешь? Не тот это человек, чтобы в такие вот игры с ним играть! Он ведь знает, что режим содержания сменится лишь по твоему настоятельному требованию. Не мне тебе рассказывать, что здесь даже у стен есть уши...

– Все знаю. Осознаю риски, – соглашаюсь я.

– Нет, Милая, – впервые за весь разговор перебивает меня Павел Валентинович, – вижу, что совсем не принимаешь в серьёз всю неразумность своей просьбы и не понимаешь последствия.

– Но я считаю, что это очень поможет ходу дела.

Мужчина тяжело вздыхает и кивает головой, соглашаясь, а я не могу сдержать победную улыбку и уже сейчас представляю себе, как войду через неделю в комнату для допросов, и подследственный Козырев будет со мной значительно сговорчивее...

Глава 3

Поднимаясь домой на лифте вновь и вновь прокручивала в голове пережитые мной эмоции и, как могла старалась их упорядочить. Перфекционизм во всем не портил мне жизнь. Я привыкла к идеальному порядку даже в своей голове, расставляя мысли, как мне всегда казалось, на свои места и уже потом пыталась дать объективную оценку своим действиям. Сейчас я осуждала себя за излишнюю горячность и явное неравнодушие к вверенному мне подследственному. Он меня до крайности раздражал.

Меня выводило из себя все: его развязанная манера общения, его лохотенный облик, который он имел возможность поддерживать даже в ограниченных режимом условиях следственного изолятора, щеголяя по нему в чистенькой брендовой футболке. Бесила даже ямочка на его правой щеке, которая появлялась с каждой язвительной полуулыбкой...

За все время работы в следствии и с подсудимыми в частности я первый раз пошла на превышение должностных полномочий. Скорее всего это произошло только из-за того, что я устала. Я так устала! Получив от начальства дело Козырева, я дотошно копалась в нем с головой и днем и ночью, дольше недели, прежде чем прийти к подследственному на первый допрос. Я придирчиво изучила все бумаги в нем вдоль и поперек, поднимая и углубляясь в его, даже незначительные,

как могло показаться кому-то, но крайне любопытные для меня детали.

Физическое и эмоциональное переутомление никак не оправдывает мои действия по ужесточению режима для подсудимого, но я сожру себя за этот неблагоприятный поступок позже... как только выпью чашку горячего крепкого черного чая...

Сигнал остановки лифта на нужном мне этаже мгновенно приводит меня в чувство, и я тут же выхожу на лестничную площадку и, поставив пакеты с продуктами на пол, достаю ключ, но замок мне не подается. Дома Стас...

Со Стасом, моим молодым человеком, мы, казалось, были знакомы целую вечность! Еще со школы... Потом университет... По итогу нас разделили только разные специальности: он – успешный адвокат, я же ушла в следственный комитет при прокуратуре. Мы не жили вместе, но у него уже пару лет был ключ от моей квартиры. Я сама ему его дала. На тот момент мне показалось, что это будет очень правильно... и удобно...

Позвонив, в ожидании и с нетерпением, прислонилась лбом к поверхности двери, прикрыв от утомления глаза. Слышу поворот дверного замка и отхожу на шаг в сторону, позволяя Стасу встретить меня.

– Привет, родная, – слышу знакомый жизнерадостный голос и позволяю себе расслабиться, передав молодому мужчине тяжелые пакеты с продуктами. – Как все прошло? Удач-

но?

– Не совсем, – честно признаюсь в своем первом очевидном поражении я.

Сажусь на банкетку в прихожей и, с тихим стоном поочередно снимаю дорогие туфли, слегка массируя уставшие от высокой шпильки ноги. Откидываюсь на стену, ударяясь о нее затылком и закрываю глаза, не выпуская сумку с документами по делу Козырева из рук. Мы со Стасом доверяли друг другу, но... учитывая невозможность согласования в наших, абсолютно противоречащих друг другу профессиях, между нами всегда была эта невидимая глазу неуловимая грань – холодный расчёт приобретенного профессионализма.

Вставать, как и проходить в квартиру, совершенно не хотелось...

– Давай, родная, – слышу его голос уже из кухни... глухой стук дверцы холодильника, куда Стас, наверняка, уже сгрузил принесенные мной полуфабрикаты и отчетливый, поэтому такой манящий, щелчок кнопки включения чайника... – соберись! – Ободряюще продолжил он. – Первое незначительное поражение – еще не проигранное дело!

Я встаю, достаю из своей сумки папки с показаниями и, прижимая их к груди, шлепаю на кухню, где, плюхнувшись на приготовленный и отодвинутый для меня стул, аккуратно сгружаю кипу собранных документов перед собой, раскладывая их в только мне известном порядке.

– Сейчас выпьешь горячего чая, – ободряюще продолжает Стас, ставя передо мной большую чашку ароматного напитка, – соберешься и следующий раунд обязательно будет за тобой! Я это знаю. Ты это знаешь... Не может знать только твой Козырев.

Я молчу. Обхватив горячую чашку двумя ладонями, поднимая ее и вдыхая любимый мной глубокий аромат черного чая, насыщенный, с едва уловимыми пряными нотками благоуханных растений, запах которых наиболее точно раскрывают всю гамму восхитительного вкуса. От минутного удовольствия снова прикрываю свои глаза и чувствую легкое прикосновение мужских губ на изгибе своей шеи...

Замираю. Не открываю глаза, позволяя ему целовать мое тело.

В этом поцелуе все до тоски знакомо, он совсем не задевает натянутые до предела струнки моей души. За все время он никогда не разжигал пожар моего желания. Я чувствую, как его руки скользят вниз по моему телу к v-образному вырезу на моей блузке и тянут ее с стороны, оголяя одетую в белоснежные кружева бюстгальтера грудь...

Я отчетливо чувствовала протест своего тела на действия мужчины. Совсем не хотела его. Отлично понимала всю неблагоприятную неправильность моего бездействия, но терпеливо позволяла ему себя ласкать.

Много раз задавала себе один и тот же вопрос: можно перетерпеть, но нужно ли?! Ведь это насилие над собой. Над

своим разумом, над телом, не желающим принимать его ласки.

По коже шли не мурашки, а зуд. Хотелось скинуть его руки, отодвинуться в сторону от его навязчивых влажных губ...

Жижа раздражения в моих венах, желчью распространилась по всему организму, заполнив собой каждую его клеточку... но я молчала... до золотистых мушек зажмутив свои глаза... до тех пор, пока они не сложились в уже знакомые мне огоньки необычного, ярко-янтарного цвета чужих мужских глаз, такие экзотические, больше напоминающие волчьи, с очень редким запоминающимся оттенком...

... А уже с раннего утра я села на первую пригородную электричку и спустя полтора часа как можно тише открывала скрипучую кованную калитку, сплошь увитую декоративным плющом с ярко-бордовыми широкими листьями, кричащими о начале дождливой третьей декады осени. Неслышно проскользнула внутрь старого сада и глубоко вдохнула чистый влажный воздух, пробуждающий сдержанные нотки многочисленных запахов сырой земли...

Два года назад, выйдя на пенсию, сюда, на этот небольшой загородный дачный участок недалеко от столицы перебрался папа... сразу после того, как мы с ним похоронили маму. Жизнь в городе для него словно застыла. А после ее смерти, ранее плодоносящий и ухоженный сад, быстро пришел

в запустение. Растения не ждут, они продолжают жить, требуя к себе внимания и должного ухода. Сейчас, спустя время, я могу с уверенностью сказать, что именно здесь, в уединенных заросших уголках старой дачи папа нашел покой и снова почувствовал вкус жизни, копаясь в земле и заботливо ухаживая за этими растениями. Затворничество пошло ему на пользу.

От мелькнувших воспоминаний о маме сдавило грудь...

Тяжело вздохнув я тихо, стараясь не шуметь, миновала открытую веранду, аккуратно обходя старые скрипучие доски на полу, отлично помня их расположение. Потянула на себя входную дверь и меня сразу обдало сухим жаром затопленной с раннего утра печи.

– Мила, – услышала я уверенный голос отца, – чего крадешься?

В ответ я заливисто рассмеялась своей неловкой попытке остаться им незамеченной. Несмотря на свой преклонный возраст папа не утратил обострённый за годы службы в государственных органах слух и отличное зрение, до сих пор выбивая десятку при стрельбе из наградного пистолета.

– Попыталась застать тебя врасплох, – отшутилась я.

– Снова неудачно, – поддержал мою игру отец. – Проходи, завтракать будем. Я тебе чайку согрею...

Заходя на небольшую кухню, ставлю на стол внушительные пакеты с продуктами, которые купила еще вчера и сразу оборачиваюсь к подошедшему ко мне родителю, обнимая

его за шею, звонко целуя в щеку. Вот сейчас, в его медвежьих объятиях мне становится по-настоящему тепло! Прикрываю от удовольствия глаза и, прислонившись к нему еще ближе, глубоко вдыхаю родной запах...

Только теперь я дома!

Я бы все отдала, чтобы вот так прижаться и еще, хоть один разок, снова вдохнуть до боли знакомый запах мамы. За два прошедших года он совсем забылся, словно выветрился из моей памяти, оставив после себя неуловимо дразнящий шлейф, от воспоминаний о котором до сих пор жалобно ноет не желающее мириться с невосполнимой потерей сердце... У таких, как я, рано потерявших маму взгляд особенный, голодный. Рано, это и в пять, и в двадцать пять лет. Здесь разницы нет. Эта непоправимая потеря так и остается детской...

Я была их единственным и поздним ребенком. Мама очень долго не могла забеременеть, а когда это, наконец, случилось, то безграничному счастью моих родителей не было конца. С самого моего рождения никто из них не обращал внимание на возраст – они оба словно летали на крыльях своей мечты, молодея на глазах с каждым прожитым рядом со мной годом...

Неожиданная тяжелая болезнь мамы, а потом ее скоропостижный уход так подкосили отца, что он постарел буквально за день, из сильного мужчины превратившись в сгорбленного под гнётом жизненных обстоятельств старика. Каза-

лось, что именно в момент ее смерти, его мир рухнул и разбился на множество острых осколков, одним из которых был пробит его тыл и появилась зияющая дыра в спине, которая болит так, что скручивает все внутренности. А потом мы с ним просто перестали чувствовать...

Прошло время, мы научились жить дальше, но непреодолимое желание еще раз вспомнить запах родного человека никуда не пропало.

– Милая, ну где ты витаешь? – шепчет мне папа и я тут же прихожу в себя, глубоко спрятав свои трогательные воспоминания. – Опять ночами не спишь? Новое дело?

– Что ты! Пап, сплю, как убитая, – вру я, что изменила свой до бессонницы вездливый подход к проведению следственной работы, и он осуждающе качает головой, понимая, что я говорю ему неправду, – а дело, действительно, дали новое.

– Интересное?

– Ага, – киваю я, доставая с верхней полки и насыпая в заварник две полные ложки ароматной рассыпчатой заварки, – по 210 статье. Там куча свидетелей и почти все уже доказано, но я хочу добиться признательных показаний подследственного. Они в суде будут, как твоя любимая вишенка на торте!

– А может в этот раз ну ее, эту вишенку? – спрашивает папа и я оборачиваюсь к нему, роняя на пол пачку чая, отчетливо почувствовав серьезные нотки в его шутовском вопросе. – Помнишь? Если доводишь до совершенства дело,

которое можно оставить на нормальном уровне, то... только зря растрачиваешь свою энергию...

– И испытываешь терпение окружающих... – заканчиваю я, вспоминая его любимое изречение.

Глава 4

Неделя не прошла, а пролетела в сумасшедшем темпе!

Словно помешанная на этом деле я снова и снова пролистывала сбивчивые путанные показания, сравнивая их, пытаясь поймать за хвост ускользающую от моего внимания цепку. Что-то было не так... Но вот что?! Казалось, что я вообще забыла про сон, повторно, а иногда и многократно вызывая и опрашивая очевидцев, уже сама изрядно запутавшись в этом непрерывном круговороте произошедших событий.

За семь прошедших дней почти все свидетели обвинения кардинально поменяли свои показания. День за днем я откидывала в сторону предварительные протоколы их допросов отлично понимая, что в суде эти люди мне больше не помощники. Я ошиблась, сделав ставку на них...

Группировка Козырева, даже без самого Козыря во главе, работала слаженно и на «отлично», подчищая за ним его делюшки. Со стороны казалось, что он руководит всем даже из одиночной камеры следственного изолятора. Пару раз я все-таки срывалась, звонила в оперативную часть Павлу Валентиновичу, чтобы узнать о смене режима для своего подследственного. Многие знают и это совсем не секрет, что подсудимые в общих камерах пользуются мобильными телефонами, поддерживая связь с внешним миром, а администрация тюрьмы на это, иногда и в отдельных, особых случаях и для

особенных людей, закрывает глаза... Но вот чтобы из «одиночки» и со спецкоридора – никогда!

Павел Валентинович эти пару раз отвечал мне одинаково: подсудимый Козырев лишен всех возможных и невозможных привилегий. Не верить его словам, учитывая его многолетнюю дружбу с моим отцом, я не могла.

Спустя неделю на повторный допрос к Козыреву не шла – бежала, снова отстукивая высокими каблучками ритм нетерпения на грязном полу следственного изолятора! До дрожи в коленях я мечтала посмотреть на него, увидеть присущую заключенным затравленность в его взгляде и, наконец, насладиться своим триумфом!

В ожидании обвиняемого – никакого волнения.

Села, разложив перед собой на железном столе папки с уголовным делом, рассматривая их затертые и смятые от времени уголки. Карандаш для пометок лежит тут же, рядом с ними, но, в этот раз, я не катаю его по поверхности кончиками своих пальцев, считая грани. В руках я держу большое зеленое яблоко... принесенное мной специально для подсудимого Козырева. Я покручиваю его в своей ладони и легко вычленяю ноты аромата его свежести среди смрада окружающей меня реальности, почти ощущая кисло-сладкий вкус плода на кончике своего языка.

Снова скрипучим засовом ноет железная дверь и я поднимаю глаза на вошедших. Теперь их трое, как и положено при усилении режима: два конвойных и мой подследственный.

Он молча проходит к столу, садясь на свое место и позволяя крепким мужчинам из спец сопровождения пристегнуть свои руки наручниками к железному поручню наглухо прикрученному к столу. Когда мы остаемся одни, он медленно поднимает на меня уничтожающий взгляд от которого у меня прямо под коленками скапливаются ледяные мурашки...

– Олег Александрович, – тут же обращаюсь к нему, – если вы забыли, я вам напомню. Я – старший следователь прокуратуры – Мила Львовна. Теперь я веду ваше дело.

Он продолжает молчать, лишь иронично поднимает одну бровь. Как и в первый раз, немного поерзав, усаживается поудобнее, насколько это вообще позволяет место, вальяжно откидывается на спинку своего стула общим поведением выказывая свое ко мне неуважение. Сейчас я имею отличную возможность обвести взглядом его фигуру и наглаз оценить его состояние. Мечтаю увидеть изменения, но их нет!

Сидящий напротив меня мужчина все так же до неприличия привлекателен в новенькой дорогой футболке, гладко выбрит и аккуратно подстрижен, с неизменно застывшим на его лице явным раздражением, которое он даже не пытается скрыть от меня... Словно дежавю. Все, как и в первую нашу встречу. Будто смена режима совсем его не коснулась!

– Олег Александрович, – снова начинаю я, но он меня тут же обрывает.

– Слушай меня внимательно, сука! – сквозь плотно сжатые зубы, словно зверь рычит он, и теперь я понимаю, что

изменения, все-таки есть... он стал злее...

Кажется, что он сейчас рванет на себя свои руки и вырвет не только поручень, к которому он прикован, но и сам стол, прямо с мясом бетонного пола!

– Зря ты со мной в эти игры начала играть! Ты совсем не знаешь ни правил игры, ни последствий своего проигрыша! Не сегодня, так завтра уголовное дело в отношении меня будет прекращено за отсутствием доказательств, а значит, не будет и состава преступления. До суда не дойдет. И тебе, сука, я предлагаю самовольно и сегодня, до конца рабочего дня исправить ситуацию с режимом, вернув все так, как было и сложить свои полномочия, передав это дело более сговорчивому и адекватному следователю. В противном случае, мы с тобой обязательно поиграем! – его губы растянулись в хищной, жестокой улыбке, – Предупреждаю сразу – тебе не понравится!

Меня колотило от бешенства!

Я прерывисто втянула воздух и на выдохе протянула ему яблоко на раскрытой ладони... словно животному.

Смотрю на него не отводя глаз, следя за его реакцией на мой дерзкий поступок и те самые ледяные мурашки у меня под коленками медленно ползут вверх по ногам...

– Не стесняйтесь, берите, Олег Александрович, – продолжала и дальше «закапывать» себя я, – знаю, что на спецкоридоре очень плохо кормят. Вам еще долго там сидеть.

К моему удивлению он улыбнулся мне, но эта улыбка совсем не тронула его янтарных глаз. Горящая лава бешенства в них тягуче переливалась из одного эмоционального состояния в другое, настолько реально, что их цвет становился еще насыщеннее и ярче...

Молча разжал сцепленные в замок пальцы и раскрыл свою ладонь, не делая ни малейшего движения рукой навстречу мне, позволяя положить в нее протянутое ему яблоко. Нас разделял стол и достаточно приличное расстояние между нами не позволяло мне так легко переложить плод в его руку, а я, предлагая его ему, никак не ожидала покорного согласия проблемного подследственного, поэтому на секунду замешкалась... Моя лёгкая растерянность сразу была замечена им и его губы снова растянулись в широкой, издевательской улыбке.

Дернув плечом, словно скидывая с себя его откровенную насмешку, я встала, со скрипом сдвинув свой стул в сторону и, обойдя стол, остановилась рядом с обвиняемым... слегка наклонилась и без страха вложила яблоко в его раскрытую ладонь...

Наши пальцы лишь на мгновение соприкоснулись... Мои – холодные, как лед, его – горячие, как обжигающее пламя огня... Этого мгновения хватило разъяренному мужчине, чтобы ухватить меня за руку и резко, дернуть вниз, к себе, с такой силой и так неожиданно для меня, что наши головы едва не ударились друг о друга.

– Ты, наверное, не услышала меня, сука?!!

Чувствую его прерывистое дыхание на своей щеке и на доли секунды теряю способность двигаться, замирая от инстинктивного страха, а потом смело дергаюсь вверх, пытаюсь вырвать свою ладонь из цепкого захвата. Все это длится не дольше нескольких секунд, пока яблоко, отданное ему, с глухим стуком не падает со стола на пол, быстро покотившись по его поверхности. Еще один мой рывок и мужчина отпускает меня и, словно расслабившись, опять откидывается на спинку своего стула, занимая удобное ему положение.

Я отскакиваю от него на шаг и, глядя ему в глаза, жадно хватаю ртом, пересохшим от внезапной паники, спёртый воздух закрытого наглухо помещения... Но так же быстро прихожу в себя и навязанное мне им чувство страха тут же меняется на нешуточную злость.

– Сгниешь здесь! – хаотично сгребая папки со стола, говорю, больше не глядя на него, чеканя каждое свое слово. – Живое! – не заметила, как непростительно фамиллярно перешла на «ты».

Идя к закрытой двери, за своей спиной слышала раздражающий меня тихий мужской смех, звенящий в полупустой комнате для допросов, отдающийся неприятным эхом у меня в ушах.

– Помни! Я дал тебе время до конца рабочего дня!

Если бы тогда, уходя из следственного изолятора и из принципа оставляя все на своих местах, я всерьез отнеслась

к его угрозам! Если бы хоть на минуту усомнилась в правильности своих действий! Если чувство самосохранения, до самого вечера «сосущее у меня под ложечкой» не навязчиво ныло, а громко ревело от ошибочности всего происходящего! Если бы...

Сейчас...

Снова где-то капает вода... Для меня этот раздражающий звук стал привычным. Капли, словно секунды, отсчитывают мое время, проведенное здесь... или я ошибаюсь и это обратный отсчет последних дней моей жизни...

Я лежу прямо на голой панцирной сетке старой кровати в полной темноте, поэтому мне ни к чему открывать глаза и я так знаю, что ничего нового вокруг себя не увижу. Все те же голые серые стены, тот же бетонный обшарпанный пол и та же лампочка Ильича, одиноко висящая под потолком, ярко освещающая весь периметр моей небольшой полупустой камеры в редкие моменты ее включения... а еще койка. Да-да, именно советская койка, ржавая от времени или сырости, с жутко скрипучими пружинами на железной сетке матраца, которые, при каждом моем, даже малейшем, движении издают жалобные стоны от эха которых раз за разом судорогой ужаса сводит мои внутренности. Но даже к этому, по истечении времени, я начинаю привыкать...

Как и к тому, что меня регулярно, два раза в день, выводят отсюда до ближайшего туалета, где я могу быстро облег-

читься и умыться проточной водой из плохо работающего, свистящего и разбрызгивающего воду во все стороны, крана. А еще к скудной кормёжке, которая больше похожа на жалкую подачку, если не брать в расчет свежее, кисло-сладкое яблоко, которое обязательно добавляют к убогой ежевечерней трапезе и которое я пытаюсь растянуть до следующего ужина, в течение дня откусывая сочный плод по кусочку, выделяя и смакуя его настоящий аромат среди смрада окружающей меня пугающей реальности.

Я не знаю где я, но прекрасно осознаю из-за кого я здесь...

Глава 5

Ранее...

За недолгий месяц, проведенный в стенах следственного изолятора, моя ненависть изголодала и отошала, как волк, уставший от долгого ожидания удачной охоты... Она стала смертельно опасной и не знающей жалости для всех, меня окружающих... Смотрела на всё своими прищуренными подозрительными янтарными глазами, но одного человека выделяла в особенности: старшего следователя прокуратуры – Куперник Милу Львовну...

Злость на нее ширилась и медленно разрасталась с каждым, проведенным здесь днем, до тех пор, пока я не задохнулся от нее, идя под усиленным конвоем после повторного допроса в свою одиночную камеру. В руках, скованных за моей спиной наручниками, я нёс то самое зеленое яблоко, которое она снисходительно протянула мне, в откровенной попытке унижить меня. Я не побрезговал, поднял его с грязного пола... Захотелось сохранить его, как живое напоминание о ней... о той, которая стала объектом моей неудержимой ненависти, о той, чья бесконечная агония стала идейным смыслом моей жизни...

Оставшись один прислушиваюсь не к скрежету метала закрываемого за мной замка, а к своей ярости, что оглушительно барабанит по моим перепонкам. В ушах грохочет так, что

я с силой сжимаю яблоко в своей руке... почти до хруста... Но вовремя прихожу в себя и разжимаю ладонь... Не сейчас.

Выдох-вдох.

Пытаюсь успокоиться и справиться с собой, прежде чем подхожу к стене и из надежного тайника достаю совсем небольшой, кнопочный телефон, принесенный мне кем-то обезличенным, скорее всего из шкурного тюремного персонала, и набираю заученный наизусть номер. Ответ собеседника долго дожидаться не приходится, трубку берут сразу. Мои звонки всегда ждут.

– Серый, – сходу, на резком выдохе начинаю я, – суку эту сегодня же убрать! Убрать!!! – четко проговариваю я. – Ты понял? Время вам на это до вечера!

– Не понял, – отвечает тот, – Кого?

– Девку, – закипаю я, – следователя прокуратуры по моему делу.

– Куда убрать? ... Может ну ее? Съезжу сегодня по «верхам», денег завезу, договорюсь, ее и снимут, как тех, других до нее. Тебе сидеть-то осталось не больше месяца! Ты не кипи! Сам знаешь, все уже решено. Или ты хочешь убрать ее ... совсем?

Я делаю небольшую паузу. Она нужна мне, чтобы обдумать свой приказ, который не будет иметь возможности отмены. Еще раз с силой сжимаю яблоко в своей руке и раздраженно отвечаю:

– Пока просто закройте.

– Где?

– Хотя в землю зарой, дело твое... но чтобы жила до моего освобождения. Потом я решу, что с ней делать.

Сейчас...

Капающая вода не дает мне уснуть. Кап-кап-кап... Негромкий, но надоедливый звук бьет прямо по моим чувствительным нервам... казалось бы, чего уж там – монотонные капли! Но когда эта капля методично капает путь не на голову, а на пол, разлетаясь во все стороны, то усталый мозг просто не выдерживает утомительного однообразия и наружу вылезают все шизофренические затишья, ранее скрытые, даже от себя самой, не то, что от посторонних глаз...

«Я потеряла счет времени еще вчера? Или это было позавчера?»

Еще недавно я не разрешала себе забыться в этом звуке и считала дни, выцарапывая их на стене у кровати... а сейчас ничего не помню. Весть леденящий ужас окружающей меня реальности спаялся в один сплошной непрекращающийся кошмар. Услышав глухие приближающиеся шаги, в этот раз, я даже не повернула к вошедшим головы. Я привыкла видеть их размытые силуэты атлетически сложенных мужских фигур на фоне ярко-освещенного дверного проема. Они всегда были раздражающе молчаливы, редко переговаривались между собой, стараясь ограничиваться односложными фразами, но никогда не говорили со мной...

Неожиданно вспыхнул верхний свет..., и я интуитивно крепко зажмурилась.

– Эй, ты! – громко прикрикнул мне один из вошедших и мое тело прошиб холодный пот, – поднимайся!

Кто-то подошел к койке, на которой я лежала, и с силой пнул ее по спинке так, что ее панцирная сетка завибрировала, натужно заскрипев от возмущения. Неожиданное грубое действие и мое тело скрутило от ломоты в затекших конечностях, и я не смогла сдержать тихого стога, сорвавшегося с моих, казалось бы, плотно сжатых губ...

Ответом мне был громкий мужской хохот и повторный пинок:

– Поднимайся, шевелись, сука! Кому сказал!

Чьи-то руки грубо дернули меня вверх, за ворот, силой усаживая на кровати. Приняв насильно навязанное мне вертикальное положение, стало легче. Кровь быстрее побежала по венам, согревая замершее без движений тело. Я подняла руку и попыталась выдернуть из его цепкого захвата края своей, собранной им в кулак, блузки, но он не отпускал. Глаза все еще слезились от яркого света, но, несмотря на это, я старалась сфокусировать утомлённое зрение и с упрёком посмотрела на удерживающего меня мужчину, упрямо вздернув вверх свой подбородок.

– Ты ее смотри, Мишань, – хохотнул и вмешался другой, – не трогай. На эту Серый дал особые распоряжения!

– Да никто ее трогать не собирался! Пусть встает, когда

говорят, тогда и прикасаться к ней никто не будет!

Услышав его, я попробовала подняться самостоятельно. Мужчина сразу отпустил меня, сделав внушительный шаг назад, позволяя встать на ноги, но тело не желало подчиняться мне, поэтому пришлось опереться на железную спинку кровати и подтянуться на руках. Он больше не говорил со мной, не прикасался ко мне, только указал на выход и дальше по коридору в сторону уборной, куда меня обычно выводили два раза в день. Но сегодня мы прошли мимо...

Ушли не дальше следующей двери. Открыв ее, он отошел в сторону, пропуская меня внутрь, но я застыла на пороге, поэтому ему пришлось слегка подтолкнуть меня в спину, чтобы я вошла в наглухо закрытое помещение грязной душевой. По всей видимости ею долгое время никто не пользовался. Оно и понятно! Прислушиваясь к окружающим звукам, никогда не слышала ни одного живого движения вокруг, а это значит, что «гостя» в подвале была я одна.

– Ну же! – снова прикрикнул на меня кто-то из провожающих, – Раздевайся! Воду включай! Или тебе помочь?

Отчетливо понимала, что никто из них не выйдет. Они не оставят меня одну... Их грубый дружный хохот словно хлестал меня по лицу. Я не настолько наивна, чтобы не видеть, что именно мое унижение доставляет им особое извращённое удовольствие.

Войдя в глубь просторной душевой я осмотрелась: грязная, когда-то белая одинаковая керамическая плитка под но-

гами и на стенах, местами прошитая тонкими венами трещин, местами сколотая вовсе. Два старых «барашка» на кра- не и ведущая от них вверх под самый потолок тонкая труба с душевой лейкой на ней, сплошь покрытая бурой ржавчиной.

– Так сама ... или?

Все еще стоя к ним спиной я начала потихоньку стаски- вать с себя вещи.

Пуговка за пуговкой, сражаясь с тугими петлями, сверху вниз, расстегивала неслушающимися пальцами свою рабо- чую блузку, распахивая полы в сторону и стягивая с рук уз- кие рукава. Бросив ее себе под ноги, завела руки за спину и, с трудом нащупав потайной замок на форменной юбке, сколь- зяще вжикнула им в мерзкой тишине. Зажмурилась, но про- должала раздеваться, вот так, с закрытыми глазами, стараясь спрятаться от грубой реальности...

Юбка полетела следом, на пол...

– Дальше... Все снимай... – свистяще прохрипел кто-то из мужчин, стоящих за моей спиной.

Игнорируя приказ я протянула руку и до отказа крутану- ла в сторону правый «барашек» крана. Задребезжав, заняв от нежелания включаться, вода из душевой лейки плевалась во все стороны отвратительной, дурно пахнущей ржавой жи- жей, до тех пор, пока по моей голове сверху не ударил силь- ный напор чистой воды.

Кто-то из стоящих сзади меня мужчин, бросил мне под ноги мыло...

От нестерпимого желания вымыться зачесалась кожа. Отбросив стыд, уже не обращая внимания на переговаривающихся между собой мужчин, я быстро стянула с мокрого тела бюстгальтер и плавки, отбросив их в сторону. Отвратительный зуд не прекращался, и я снова и снова, докрасна терла свое одеревеневшее тело скрученными от напряжения пальцами, скребла его ногтями, стараясь содрать со своей кожи налипший на нее слой страха...

– Хватит! – прикрикнул кто-то. – Заканчивай и одевайся. Вещи тут оставим.

Услышав, как громко хлопнула дверь, теперь отделяя меня от мужчин, я медленно повернула кран, выключая воду и, опираясь раскрытыми ладонями о стену напротив, оставляя разводы на плитке, медленно сползла на пол, прямо в мыльные лужи под моими ногами...

Сидела так, пока не услышала настойчивый, подгоняющий меня, удар в дверь. Медленно поднявшись, обернувшись, уставившись на чистенькую, отглаженную форму следователя прокуратуры, оставленную для меня сверх меры «услужливыми» провожатыми. Отчетливо осознаю, что оттягивать время, это сидеть голой в ожидании их возвращения, поэтому вытираюсь насухо и принимаюсь быстро натягивать на себя принесенные для меня вещи.

Здесь все, начиная от нижнего белья, заканчивая дорожными туфлями на высокой шпильке, очень похожими на мои. Все еще мокрые волосы стягиваю в тугий пучок на затылке и

уже последним надеваю форменный пиджак, застегивая его, как и положено, на все пуговицы.

Едва успеваю, как дверь снова распаивается и в проеме появляются все те же провожатые. Отвратительно присвистнув, грубо хватают меня снова за предплечье и тянут за руку дальше по коридору, а потом вверх по лестнице так быстро, что у меня начинает кружиться голова. Коридор, еще один... От резкой смены мелькающих перед глазами интерьеров начинает слегка подташнивать. Только перед внушительными двойными дверьми останавливаемся... секунда, и меня вталкивают в большой зал, сплошь забитый оживленно беседующими мужчинами. По инерции я делаю несколько небольших шагов вперед и громкий гул голосов неожиданно стихает...

Словно дежавю! Как и в ту, самую первую нашу с ним встречу я задаю себе один и тот же вопрос:

«Может ли страх приобретать реальные физические очертания?»

Как оказалось, может. Сейчас я смотрела своему страху прямо в глаза. Они были необычного, ярко-янтарного цвета, такие экзотические, больше напоминающие волчьи, с очень редким золотистым оттенком. Я не могла оторвать от него взгляд, а он, в ответ, по-хамски разглядывал меня, без стеснения шаря своими глазами по моей фигурке, затянутой в повседневную форму следователя прокуратуры.

Глава 6

— А вот и моя гостья!

В давящей тишине его издевательская насмешка звучит громко, словно звонкая пощечина, и моя голова самопроизвольно дергается в сторону в попытке избежать мнимого удара...

Ответом ему звучит сначала один тихий смешок, потом второй... и вот уже весь зал заполнен оглушительным мужским хохотом, который, отражаясь от стен, многократным эхом безжалостно бьет по моим барабанным перепонкам. Внезапный громкий смех вокруг больше напоминает мне пронзительный залповый выстрел. От разноголосого шума мой взгляд испуганно мечется то в одну, то в другую сторону. Пытаюсь осмотреться и оценить максимальную степень угрозы для себя, но даже от минутного волнения перед глазами все плывет, а широкоплечие мужские фигуры смешиваются в одну сплошную людскую массу...

Хочется крепко зажмурить глаза, поднять руки и закрыть уши ладонями. Я делаю интуитивный шаг назад, потом еще один, совершая ошибку за ошибкой, и уже теперь скрыть мою, пока неконтролируемую, панику от окружающих не получается, это становится очевидно.

Мужчины в зале заулюлюкали и громко засвистели. Со всех сторон посыпались пошлые шуточки и реплики:

– Ну ты даешь, Козырь! ... – Не может быть! ... – или проститутка ряженая? ... – а, может, это стриптизёрша? ... – Вот сюрприз, так сюрприз! ... – А она для всех? ... – Общедоступная!

Противно. Противно до тошноты!

Так пронзительно неприятно, что мой стальной характер рьяно продирается сквозь опутавшую его колючую проволоку страха, и я гордо выпрямляю спину так, как нас муштровали на юридическом, поднимаю голову, презрительным взглядом охватывая весь переполненный зал... и ехидные голоса и насмешки вокруг меня постепенно становятся все тише, пока не замолкают вовсе.

Я стояла, пытаюсь разглядеть разношёрстную публику. Вначале мне ошибочно показалось, что здесь присутствуют только мужчины, но я ошиблась. Их многочисленная компания была щедро разбавлена девушками всех мастей, которые сновали туда-сюда, то пританцовывая, то разнося напитки для тех, кто еще оставался стоять. В центре просторного зала стоял большой прямоугольный сервированный стол, уставленный едой, место во главе которого и занимал, вальяжно развалившийся на своем стуле, Козырев.

– Сюда иди, – он поманил меня пальцем...

Все в этом небрежном жесте было показательно-унизительным! Откровенное оскорбление еще больше подстегнуло моё врождённое упрямство, и я осталась стоять на месте, не отводя от него пронизывающего взгляда.

– Мишань, помоги ей, – тихий голос, как удар хлыста, отразился от стен и щелкнул у меня над головой.

– Пошла! Быстро! – один из моих провожатых, который все это время продолжал оставаться за моей спиной, с силой толкнул меня в спину.

Толчок был так быстр и внезапен, что я, пробежав несколько метров и не удержавшись на высоких каблуках, под дружный хохот окружающих просто свалилась на пол. Опираясь на руки, попыталась приподняться, глядя перед собой, но тут же была жёстко схвачена за волосы чьей-то грубой рукой. Меня не дернули, не вздернули вверх, ставя на ноги, а показательно поволокли прямо по полу, к ногам Козыря, всплывшего от моего отказа подчиниться.

Стихийно вскинула руки вверх, пытаюсь выдернуть из насильственного захвата свои волосы, но тот, кто исполнял приказ, готов был оторвать мне голову, только чтобы не облажаться перед своим хозяином и подтащить меня к нему, хоть по частям. Я упиралась, но мое отчаянное сопротивление было несущественно для натренированного мужчины, и он проволоч меня еще тройку метров, швырнув по скользкому полу в ноги Козыря с такой силой, что мне пришлось вытянуть вперед свои руки, чтобы не влететь между ними...

Улавливаю движение над собой и слух режет вкрадчивый голос:

– Что же вы, Мила Львовна, так не цените мое гостеприимство! Может, яблочко?

Не дожидаясь моего ответа, он бросил мне его вниз...

Смотрю на него и понимаю – то самое. Именно его я тогда протянула подследственному Козыреву на раскрытой ладони. Да, от времени плод потерял свой внешний глянец и стал не первой свежести, а, учитывая то, что эпизод с ним остался в памяти, то никаких сомнений уже не было. Не поднимая головы, глядя только на это яблоко на полу, у ног мужчины, не смогла сдержать рваный выдох, осознавая, что проиграла, еще даже не начав с ним игру...

– Ешь, – зло шипит он, – ешь сейчас, при всех!

Понимаю собственную безрассудность и осознаю последствия своего бездействия, но не могу справиться со своей сука-гордостью!

– Мила Львовна брезгует! – громко заорал кто-то и следом посыпался целый ряд остроумных реплик: – За общий стол не сядет! ... – Может она только с твоих рук не ест, а, Козырь?

– Как хочешь... это твой выбор... – холодно бросил мне Козырев и уже громко, для всех, добавил, – Развлекайтесь, ребят, она ваша!

Выжидательная тишина стояла всего несколько секунд, но для меня эти секунды, по ощущениям, растянулись в минуты. Все вокруг, словно замерло в преддверии жуткого зрелища: застывшие без движения мужские фигуры, застывшие лица, с пугающим отсутствием жизни в их стеклянных гла-

зах. Их рты застыли в призывных выкриках, но ничего... вокруг лишь тишина... Я слышала только громкие удары своего сердца.

А потом начался ад...

Словно по небрежному щелчку включился звук и, вместе с ним, все вокруг меня пришло в оживлённое движение. Я вскинула голову и спешно огляделась кругом, на короткое мгновение не поверив в происходящее. Предполагала, что мой принципиальный отказ приведет его в бешенство и в моей голове мелькали разные варианты дальнейшего развития событий. Я готова была к каждому из них, но никак не ожидала именно такого приказа!

Растерялась. Я до сих пор надеялась, что мои погоны отпугнут его. Я – следователь прокуратуры при исполнении! Убедила себя в том, что он просто блефует, пытаюсь меня напугать, но, как только он снова, по-хозяйски вальяжно, откинулся на спинку своего стула, приняв удобную позу и скрестив руки на своей груди, я отчетливо поняла, что вот теперь для меня игра точно закончилась.

С осознанием и на место растерянности сразу пришла паника. Как только круг мужчин стал смыкаться, как только я увидела в их глазах застывший блеск нездорового азарта – страх опоясал мое тело. Будто стальным обручем намертво стянул грудную клетку, не позволяя дышать. В таких условиях и захочешь сделать вдох – не получится. Из пересохшего от ужаса горла вырываются наружу только придушенные

хрипы...

Куда уж там, бороться с мужиками, обезумевшими от похоти!

Меня схватили, подняли вверх и со всего размаху бросили на край стола. Тут же, совсем рядом, не отходя далеко от Козыря. Громко звякнули тарелки, посуда полетела на пол, усеивая его множеством мелких осколков... Кто-то сдирал форменный пиджак... Кто-то рванул полы белой блузки в стороны с такой силой, что маленькие пуговицы разлетелись и весело заплясали по столу... Кто-то задрал мою юбку, обнажив бедра...

Их руки были везде! Бесстыдно шарили, больно сминали, раздирали... но я совсем не чувствовала их. Все мое существо превратилось в холодную боль. На моем теле чужих рук оказалось так много, что чувствительность просто отключилась. В глазах от страха потемнело... Я не различала фигур, лиц, глаз – все слилось в один неопишуемый кошмар..., и я в самом его эпицентре!

От злости на свое бессилие даже слез нет.

Самое страшное началось тогда, когда к моему телу вернулась чувствительность. Отпихивая обезумевших мужчин ногами, изо всех сил предпринимала попытки вырваться, громко мычала, как немое, раненое животное, хрипя от удушающей безысходности. Ревела, не открывая рта, стараясь отодвинуться, отползти... Мотала головой из стороны в сторону, цеплялась скрюченными от страха пальцами за ска-

терть, сминая, сгребая ее под себя, стягивая ткань вместе с посудой, стараясь выползти из-под множества рук, но мое яростное сопротивление лишь забавляло и все больше раззадоривало шальных от вседозволенности насильников.

На задворках сознания, яркой сигнальной ракетой вспыхнула и начала медленно гаснуть трагическая обреченность, когда почувствовала, как кто-то из мужчин пытается проникнуть в меня сухими пальцами и лишь тогда я повернула свою голову в сторону, стеклянными от страха глазами уставившись на застывшую фигуру Козыря, который, сидя все там же, в той же позе, совсем рядом, не отводил от меня янтарных глаз в которых блестело подчёркнутое равнодушие.

Ему было плевать на мои погоны, он не считался с моей должностью... он просто перечеркнул меня...

– Я съем! – лихорадочно шепчу ему, едва шевеля непослушными губами, – Съем!!! – надрывно кричу, раздирая свое горло.

В ответ на мои слова только мужской рваный выдох сквозь плотно сжатые зубы...

– Прочь!!! – от его разъяренного рыка дрожь прошла не только по моему телу потому, что все вмиг прекратилось и мужчины вокруг меня настороженно замерли.

А потом и вовсе отошли... все разом, как будто штормовая волна схлынула, оставив в покое мое тело, растрепанное, на первый взгляд, неуправляемой стихией.

Все еще лежа на самом краю стола, я перевернулась на живот и сползла, вставая на пол. Одернула вниз по ногам юбку и стянула на груди дрожащими руками края порванной белой блузки, прикрывая от множества сальных взглядов полупрозрачный верх кружевного бюстгалтера, который так и не успели с меня содрать. Чувствую, как по моей коже бегают липкие мурашки отвращения, вверх по ногам, нагло забираясь прямо под юбку. Хочу... нет, до нетерпимости желаю стряхнуть их и до покраснения растереть руками свою кожу, до тех пор, пока этот противный зуд, спровоцированный чужими прикосновениями, не прекратится совсем.

Едва сдерживаюсь, чтобы не обнажить перед всеми собравшимися свое непростительное слабование, поэтому сжимаю ткань блузки в кулаки и буквально заставляю себя поднять взгляд на Козырева. Неотрывно смотрю в его жестокие беспощадные янтарные глаза, и мне кажется, что с меня сдирают остатки одежды вместе с кожей, и они рваными ошметками падают прямо мне под ноги... да и черт с ними! Главное, что к его ногам брошена моя профессиональная честь...

– Мила Львовна, – прерывает напряжённое противостояние наших взглядов Козырев, – приведите себя в порядок и возвращайтесь к столу. Только не заставляйте всех нас себя ждать... – сделал тягучую паузу и тут же добавил, – Надеюсь, я могу верить вашему слову?

– Можете верить, – едва шевеля бескровными губами от-

ветила ему, затем наклонилась и, отпустив края своей блузки, подняла с пола форменный пиджак, содранный с меня кем-то и то самое треклятое яблоко. Сжимая его в своей руке, уверенно произнесла, — я съем. Обещаю.

Он больше не произнес ни слова, лишь удовлетворённым кивком головы указал мне в сторону выхода и я, развернувшись к нему спиной зашагала из зала прочь, отстукивая точный ритм высокими каблуками своих туфель...

Ко мне больше никто не прикасался. Все тот же провожатый, недовольно пыхтя, шел за мной следом, односложно указывая мне дорогу. В подвал спускаться не стали. К моему удивлению, мы поднялись на пролет выше и мой сопровождающий остановился, открывая мне первую правую дверь, по всей видимости, гостевой ванной. Издав циничный смешок, впустил меня внутрь, а сам остался снаружи, в коридоре.

— У тебя не больше получаса...

Только когда услышала щелчок закрываемого замка, я позволила себе крепко зажмурить глаза, пытаясь спрятаться от жестокой реальности. Пиджак и яблоко выпали из моих ослабевших рук... Хотелось закрыть уши ладонями, чтобы больше не слышать жуткий хор мужского хохота, доносящийся снизу.

Привалилась к стене и медленно сползла на пол...

От пережитого знобило, как в лихорадке. Обняв себя трясущимися руками, принялась растирать худенькие предпле-

чья, раз за разом шоркая по ним раскрытыми ладонями, мечтая исчезнуть совсем. Потрепанное тело не болело или я совсем не обращала внимания на свои физические страдания. От многочисленных увечий, которые мне прицельно нанесли подонки, болезненно ныла только моя женская гордость...

Все еще не открывая глаз, опускаю руку и бессознательно шарю ладонью по полу, у своих ног, до тех пор, пока не нащупываю яблоко в складках брошенного мной пиджака. Невыносимый стыд сковывает мои движения, но я тщательно вытираю его о подол своей разорванной аскетичной блузки. Боюсь признаться даже самой себе в своей чудовищной беспомощности, но все же крепко сжимаю плод, решительно подношу ко рту и кусаю, губами захватывая как можно больше его высохшей мякоти. С первым укусом из моих глаз летят крупные капли слез и падают прямо на жалкий огрызок. Оно не хрустит, поэтому не раздражает мой напряжённый слух, и я продолжаю забивать им свой рот, с трудом проглатывая оставшиеся, соленые от слез куски...

Сдавленные рыдания рвотными спазмами рвутся наружу, но я сдерживаю их, в исступлении прижимая тыльную сторону ладони к своим губам. Мне бы просто проглотить их, а вместе с ними растоптанную гордость, но горло забито треклятым яблоком! Не лезет...

Громкий стук в дверь снаружи быстро привел меня в чувство.

– Еще пять минут! – крикнула я, сразу встала и подошла

к большому зеркалу.

Старалась не смотреть на себя. Жалость к себе – не помощник в моей ситуации. Включила воду и сполоснула мокрое от слез лицо, воспользовавшись расческой, снова собрала волосы в идеальный пучок и стянув полы блузки, аккуратно заправила ее в форменную юбку, собирая пыль с ткани на мокрые ладони. Уже у самого выхода наклонилась и подняла с пола пиджак. Встряхнув его пару раз, надела и застегнула на все пуговицы, прикрывая им разорванный вырез своей блузки.

Подняла руку и, сжав ее в кулак, на секунду замешкалась, но почти сразу стукнула в дверь, давая понять своему провожатому, что я готова...

Глава 7

За время наших коротких встреч в стенах следственного изолятора я не замечал ее привлекательности. Перед моими глазами были только звезды на ее погонах на фоне синей прокурорской формы. Всё. Не видел и не хотел видеть ничего, кроме этого. Все изменилось именно в тот момент, когда парни сдернули с ее хрупкого тела форменный пиджак... Нет, моя ненависть к ней никуда не исчезла, но она на какое-то мгновение замерла, словно притихла, разглядев в объекте своей одержимости совсем молодую, потрепанную девчонку с распахнутыми от ужаса серыми глазами на кукольном лице которой застыла гримаса полной обреченности...

«Сука! Ведь знала, что делала, когда совала мне это яблоко! Да и ей ли не знать! Она еще до выхода из СИЗО не дошла, как на всех его этажах обсасывали случившееся!»

Когда увидел ее сегодня желал разорвать! Взять и своими руками напололам в стороны разломать, до хруста костей, как то самое клятое яблоко. Когда ее тела коснулись чужие руки, меня как опасной бритвой по венам полоснула бешеная ревность! У этого чувства столько острых граней! До дрожи в руках хотел унизить ее сам, но статус не позволил, поэтому сидел и смотрел, как ее ломают другие, вскрывая женское тело, как подарок... Только этот подарок – мой!

– Козырь, вот это гостинец! ... – А продолжить можно с ней когда? ... – Может мы ее в карты разыграем?

Я лишь отмахнулся от обезличенного многоголосья, встал из-за стола, на котором ловко убирали беспорядок нанятые для обслуживания сегодняшнего банкета молчаливые официанты, и отошел к большому панорамному окну, позволив себе остаться в относительном уединении...

Усталость тяжело легла мне на плечи, укутав их, будто старенькой маминой шалью. Свинцовая серость и октябрьский холод на улице как раз под стать моему паршивому настроению. Опёршись об стену одной рукой, медленно сжал ее в кулак. Вспоминая безысходность, почти агонию в глазах той, что так ненавидел, с трудом подавлял невыносимое желание разбить костяшки своих пальцев в кровь...

Девчонка еще не знает, что эта мрачная безысходность у нас с ней одна на двоих... и делить мы ее будем поровну!

Мое одиночество грубо прервал подошедший ко мне Серый:

– Ну так что ты решил на счет девчонки? В расход ее?

– Не знаю, – честно ответил я, – Можно убрать... но мою ситуацию это не изменит. Бл.ть! – громкое ругательство сорвалось с плотно сжатых губ, – Ты же все знаешь и без моих устных подтверждений. Ты же мне обещал, что дело закроют! Совсем закроют, а не поменяют мне меру пресечения на домашний арест!

– Кто знал, что ее папаша-пенсионер поднимет все свои связи?! – затараторил от волнения Сергей, – Ее вся столица ищет! Носом землю роют и если не сегодня, так завтра, придут сюда, к тебе с обыском, заметь, на законных основаниях! Убирать ее нужно! Срочно! Сегодня! Пулю в лоб и нет проблемы!

– Сережа, – не сдержавшись рявкнул я, – не папаша-пенсионер, а генерал-прокурор в отставке! Вы все должны были предусмотреть и, в первую очередь, устранить его, а уже потом его дочку в подвал дергать!

– Так мы ее сейчас... и...

Я лишь отмахнулся, жестом обрубая его неумелые попытки оправдаться.

«Сука! В шахматы их что ли играть научить! Ведь дальше своего носа ни черта не видят!»

Гул голосов стих, и я резко обернулся, вновь разглядывая вошедшую. В звенящей тишине зала она идет прямо ко мне, упрямо вздернув свой подбородок, не сводя с меня серых влажных глаз. Остановившись рядом, упорно молчит, поэтому я, кивнув парням, давая отмашку на продолжение сегодняшнего банкета, все свое внимание переключая только на нее. До зуда в ладонях хочется схватить ее рукой за горло и прижать к стене, резким, внушительным ударом сбить с нее всю раздражающую меня спесь, но я сдерживаюсь и только поэтому делаю полшага назад, увеличивая, почти смешное для моей непримиримой ненависти, расстояние между на-

ми...

– Я могу прямо сейчас убрать тебя. Никто и никогда не найдет твое тело. Следов не останется.

– Знаю.

– Но у тебя есть выбор... Я предлагаю тебе его, – продолжаю я. – Мое дело еще не закрыто, и оно до сих пор находится под твоим надзором. Я отпускаю тебя прямо сейчас, и ты делаешь все, чтобы свести это уголовное дело, в отношении меня, «на нет», либо... – сделал натянутую паузу, – ты не выйдешь отсюда. Игр больше не будет.

– Ты не оставляешь мне выбора! – зло шипит она.

– У тебя, в отличие от меня, выбор-то как раз есть...

Смотрю в его глаза и ищу там правильный ответ, глупо надеясь, что он просто блефует, но раскаленная и до этого момента подвижная янтарная лава эмоций в них будто застыла в ожидании моего решения. Время идет, а я молчу, следя за тем, как от растущего нетерпения расширяются черные зрачки его глаз и вот они уже закрывают почти всю цветную радужку, напоминая мне два бездонных непроглядных провала...

Становится по-настоящему страшно!

Поежилась потому, что, по ощущениям, в переполненном людьми зале, становилось всё холоднее и даже дыхание срывалось с моих губ и оседало на плотной ткани форменного пиджака лёгким облачком незаметного глазу инея. Все-

го один шаг отделяет меня от смерти... и лишь один, единственно верный ответ вместе с тихим рваным полустоном нарушает выжидательную тишину между нами:

– Согласна. Но я хочу уйти прямо сейчас.

Простой и, явно, ожидаемый им ответ, от которого его глаза, к моему удивлению, темнеют еще сильнее... секундное промедление, и он делает шаг в сторону. Больше нет никаких лишних разговоров, уточнения существенных деталей наших договоренностей и дополнений к взаимным обещаниям – все предельно ясно... ему достаточно моего слова, и он отпускает меня.

Еще раз бросила на него настороженный взгляд и так же молча двинулась к выходу.

Иду, а те самые нелюди, которые еще полчаса назад готовы были разорвать меня с легкой отмашки и по приказу своего хозяина, покосившись на меня осторожными взглядами, расступаются передо мной, прекрасно понимая, чем может грозить каждому из них мое освобождение.

Моя свобода – их вполне вероятный приговор.

Я – следователь прокуратуры и они под моими ногами, как громоздкие плавучие льдины, которые я с легкостью могу поломать, лишь наступив на них. Иду, но ни один из тех, кто мысленно уже приговорил меня к смерти, не останавливает меня. Как цепные псы с голодным блеском обречённых глаз, словно по команде замерли, отсчитывая мои шаги, ведя обратный отсчет последних дней до своего вероятного за-

ключения под стражу.

– Провожу вас, – услышала мужской обезличенный голос за своей спиной, – вам вызвать такси?

Я лишь отрицательно мотнула головой и следуя указаниям, вмиг ставшего услужливым, провожатого, ловко преодолела незнакомые коридоры большого дома и толкнула довольно внушительную стальную входную дверь, навалившись на нее своим телом. За моей спиной все еще слышался разноголосый шум возобновившегося хмельного веселья, а встречный ветер с улицы растрепал пряди моих волос, дёрнув их из пучка и освежил мое лицо, швырнув в него несколько капель холодного осеннего дождя...

Не думая, быстро спустилась с парадного крыльца и, стянув дрожащими руками ворот пиджака, кутаясь в его плотную ткань огляделась по сторонам: за городом. Предполагая возможное расстояние до ближайшей крупной автомобильной трассы, ведущей в столицу, в голос простонала от неподдельного разочарования.

По всей видимости затяжной, морозящий дождь слепит глаза, щекоча мое горло. Больше всего боюсь, что это вовсе не дождь, а бессильные слезы профессионального позора на моих щеках...

Не хочу признаваться даже самой себе в своей чудовищной слабости, поэтому робко пробую капли на соль, языком слизывая их с пересохших от физического истощения губ. Словно наказывая меня, дождь зарядил сильнее, выби-

вая мои слезы, но я продолжаю идти вперед, лишь единожды остановилась, оглянувшись назад...

Порывистый ветер треплет мои волосы, но я откидываю их, придерживая одной рукой, поднимаю голову вверх. В панорамном окне второго этажа застыла знакомая мужская фигура. Лишь силуэт... но я узнала его – Козырев.

Он стоял и смотрел вниз, прямо на меня. Я резко вздернула подбородок вверх и демонстративно подняла свободную руку, показав ему средний палец... а потом, решительно развернулась и, выпрямив спину, пошла дальше.

Дождь, казалось, зарядил надолго, заплакав сильнее. До этого монотонный, а теперь резко усилившийся шелест насквозь промокших крон деревьев показался мне сдавленным природным всхлипом...

Совсем недавно еще разноцветные листья, сплошь покрывающие дорогу до оживлённой автострады, быстро замесились в жидкую грязь, облепляя туфли, затрудняя моё дальнейшее продвижение вперед. словно идя по мелкому, но от этого не менее отвратительному болоту я, с неприятным, хлюпающим звуком с трудом выдергивала свои ноги из вязкой трясины, кутаясь в мокрый пиджак, который, скорее окончательно выстуживал мое продрогшее тело, нежели сохранял его ускользающее тепло.

Вместе с дождём, вторя ему, из моих глаз крупными каплями падали слёзы, оставляя горячие потеки на щеках и осе-

дая солоноватым привкусом у меня во рту. Снова и снова тыльной стороной ладони яростно размазывала их по лицу, а потом подносила озябшие руки ко рту и дышала в них, пытаясь согреть ставшие вдруг непослушными пальцы...

Слепо дернулась в сторону, с дороги, когда заметила слабый свет фар, скользящий вдоль сверкающей ряби многочисленных луж, быстро догоняющего меня автомобиля. Взгляд испуганно метнулся вперед, высматривая там хоть какой-то намек на возможное близкое расстояние до трассы, но его не было. Только сырая темень, да низко склонившиеся под тяжестью мокрых листьев, кроны, уставших от осенней непогоды, деревьев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.